

1. Сулейман М. М. Место названий телепередач в системе имен собственных // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (110). С. 125–129.

2. Сулейман М. М. Названия российских и британских телепередач в ономазиологическом аспекте // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 6 (129). С. 108–114.

3. Дудникова М. С. Номинативная парадигма англоязычного телевизионного дискурса: на материале названий развлекательных телепередач Британии и США : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 20 с.

4. Бертякова А. Н. Заголовок в процессе восприятия содержания текстов СМИ (на примере заголовков телевизионных передач) // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения : материалы 56-го Междунар. форума (13–14 апреля 2017 г.) : в 2 т. СПб. : Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2017. Т. 2. С. 175–176.

5. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 158–166.

© Малецкая М. С., Грищева Е. С., 2020

УДК 811.161.1-112+801.8

Науч. спец.: 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-74-77

## ЖАНР ПРИЖИЗНЕННОГО ЧУДА В РУССКОЙ АГИОГРАФИИ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассказ о прижизненном чуде в составе жития рассматривается как самостоятельный жанр. Выявлены методологически значимые коммуникативно-прагматические параметры, позволяющие охарактеризовать жанровую специфику. Материалом для исследования послужили лучшие образцы древнерусской агиографии.

*Ключевые слова:* агиография, жанр, прижизненное чудо, коммуникативно-прагматические параметры.

Рассказ о прижизненном чуде как самостоятельная текстовая единица в составе жития до сих пор не был подробно рассмотрен филологами-медиевистами в жанровом и языковом аспектах, а если и удостоивался внимания, то только в связи с рассказом о чуде посмертном. При этом важно отметить, что рассказы о чудесах прижизненных обладают большим разнообразием сюжета, нежели о посмертных, и в некоторых случаях обнаруживают высокую степень сюжетно-смысловой организации. Эти наблюдения позволяют предположить, что рассказ о прижизненном чуде можно и следует рассматривать как самостоятельное жанровое образование.

Объектом настоящего исследования является рассказ о прижизненном чуде (далее также — чудо) в составе древнерусской и старорусской агиографии, предметом — жанровые особенности повествований данного типа. В рамках статьи исследовательское внимание целесообразно сосредоточить на коммуникативно-прагматических параметрах как отправном моменте в более глобальном исследовании жанровой специфики этого повествования.

В работах по древнерусской агиографии отмечается, что в Древней Руси литературное чудо считалось самостоятельным жанром, поскольку жанры выделялись не только на основании литературных признаков, но и тематически, т. е. в зависимости от предмета или явления, о котором шла

## GENRE OF A LIFETIME MIRACLE IN RUSSIAN HAGIOGRAPHY: A COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT

In the article, the story of a lifetime miracle as part of hagiographic texts is considered as an independent genre. Methodologically significant communicative-pragmatic parameters are revealed, which enable to characterize genre specificity. The material for the study was the best examples of Old Russian hagiography.

*Keywords:* hagiography, genre, lifetime miracle, communicative-pragmatic parameters.

речь в произведении [1, с. 321]. Чудо могло выступать и как самостоятельный текст: оно функционировало как в составе других произведений, так и отдельно от них [2, с. 19]. Агиографическому чуду посвящено специальное исследование литературоведа И. В. Стародумова, предложившего тематическую классификацию, основанную на мотивах. При этом внимание ученого акцентируется лишь на посмертных чудесах русских святых [3]. Среди лингвистических исследований житий, в которых в той или иной степени затрагивается роль чуда в агиографическом тексте, следует выделить работы И. В. Грековой [4], В. П. Завальникова [5], Е. Г. Дмитриевой [6], Н. А. Стародубцевой [7].

Здесь важно отметить, что выявление специфики исследуемого жанра осложняется отсутствием четкой методологии исследования. Системы коммуникативно-прагматических параметров, разработанные в современном жанроведении [8; 9; 10], приходится признать малопродуктивными для нашего исследования по ряду причин. Во-первых, жанр жития является разновидностью церковно-религиозного стиля, что уже определяет его коммуникативно-прагматическую специфику на фоне других функциональных стилей [11]. Во-вторых, модели описания жанра в современной генристике ориентированы на произведения живой и письменной речи в синхронии, мы же рассматриваем исторические произведения

письменной речи, особенности которых заданы историко-культурным контекстом эпохи. Так, жанры постоянно видоизменялись в составе больших, сборного характера памятников, при этом «памятник не являлся замкнуто цельным, неизменным текстом» [12, с. 12]. Житие — это крупный повествовательный жанр, в который входят другие, более мелкие жанры: молитва, проповедь, похвальное слово, рассказ о чуде и т. д. Д. С. Лихачев определяет житие и подобные ему вторичные жанры как «ансамблевые» [13, с. 119–120].

В качестве исследовательского инструментария в рамках нашей работы выделяются 8 параметров, или конститутивных признаков, которые выстраиваются в жанровую модель рассказа о прижизненном чуде. Наличие тех или иных элементов в жанровой модели зависит от темы чудесного рассказа, которая определяется по основному компоненту модели — чудесному событию. Именно оно в совокупности с объектом, субъектом и проблемной ситуацией образует основу чудесного рассказа. В целом жанровая модель может включать в себя 8 элементов: «объект», «субъект», «проблемная ситуация», «чудесное событие», «коммуникативные условия», «коммуникативная цель», «средство» и «свидетель чуда». Особую жанровую значимость имеет коммуникация внутри рассказа о прижизненном чуде, поэтому «коммуникативные условия» и «цели» рассматриваются в связи с общением героев рассказа. Стоит оговориться, что под коммуникацией мы понимаем не общение участников ситуации друг с другом, т. е. поочередный обмен репликами, а обращение одного из участников к другому с определенным намерением, именно такое понимание коммуникации диктует сам материал.

Основная функция чуда в чудесных рассказах — помощь нуждающемуся. Типичные (но далеко не все) рассказы о прижизненном чуде строятся по следующей схеме: нуждающийся, т. е. объект, оказывается в некоторой проблемной ситуации и обращается за помощью к субъекту, которым может выступать святой или небожитель (Бог, Богородица, ангелы). Обращение объекта к субъекту может облекаться в различные речевые жанры, но по своей сути всегда является просьбой. Цель этой просьбы — побудить субъекта к действиям, которые повлекут за собой разрешение проблемной ситуации. Если объект достоин избавления от тягот, то субъект предпринимает необходимые действия, после чего совершается чудо, которое является разрешением проблемной ситуации. Объектом чуда могут выступать люди (миряне, иноки, святой), вещества и предметы, пространства и стихии. Если объект является неодушевленным или одушевленным, но недееспособным, вместо него к субъекту обращается посредник.

В некоторых рассказах о прижизненном чуде после обращения объекта за помощью субъект сразу же производит побуждаемое действие, и совершается чудо: *...старъць пекущимъ, шьдъ, съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыхъ бѣсовъ. То же съ упова, яко възять власть на нихъ отъ Бога, възставъ вечеръ и иде въ храмъ ть, и затворивъ двьри о себе, ту же пребысть въ немъ до утрянны, молитвы творя* (ЖтФП. Л. 38в)\*. Однако в других рассказах о прижизненных чудесах субъект

вступает в беседу с объектом и уже после этого совершает (или не совершает) побуждаемое действие (если объект недостоин избавления от тягот): *«Молю ти ся, отъче, яко отсель не могу пребывати въ келии множества ради живущихъ бѣсовъ въ ней». Тогда же блаженный, прекрестивы и, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своей, и отсель не имуть ти никое яже пакости створити лукави бѣси, не бо видѣти ихъ имаши»* (ЖтФП. Л. 44в); *Павель именемъ, моляше святаго о человекѣ нѣкоем, глаголя, яко: «Болѣзнь люту имат, но помолися о нем, яко да болѣзнь премънится». Святыи же не токмо не послуша того Павла, но паче не повель оному человекѣ болящему ни в манастырь принестися. <...> И приходитъ къ святому, и възвѣщаетъ о человекѣ, вкупъ же и молит его, да помолится о нем. Преподобныи же отвѣща: «Вѣруй ми, чадо, яко та болѣзнь не от прилучая прииде ему, но заеже прелюбодѣйствова сиа стражеть. Но аще общается престасти от грѣха, вѣрую Богови и Пречистѣй Его Матери, яко исцѣлѣеть»* (ЖтКБ. Л. 66 об. — 67 об.)\*\*.

В связи с этим целесообразно различать коммуникацию открывающую и ответную: открывающая коммуникация исходит от инициатора общения (отметим, что инициатором коммуникации может быть как объект, так и субъект), а ответная коммуникация следует за открывающей и исходит от ее адресата. Адресантом ответной коммуникации может быть только субъект. Ответная коммуникация находится в одном ряду с побуждаемым действием, т. е. открывающая коммуникация может вызвать ответную коммуникацию, а может побудить адресата к действию — осуществлению того, о чем просится (исцеление недужного, исполнение просимого, обрамление иконы и т. п.) (подробнее о межличностной коммуникации см.: [14; 15]).

В ряде текстов после обращения объекта к субъекту просьба первого не удовлетворяется и чуда не происходит, поэтому объект обращается во второй раз и появляется вторая открывающая коммуникация. Так может повторяться несколько раз. Каждая открывающая коммуникация начинает новый коммуникативный акт. Коммуникативный акт включает в себя открывающую и, при наличии, ответную коммуникации. Побуждаемое действие происходит уже за рамками коммуникативного акта. Если в одном рассказе несколько коммуникативных актов, их участники могут оставаться теми же или изменяться: *Обидимый же припаде къ святому, скръбя и плача, моля его, дабы како помогль ему* (первый акт: сирота — святой). *Милостивый же имѣа утѣшение всегда въ скръбѣх, заступая нищих и помогая убогимъ, призываетъ насильствующаго и потязавъ, запрѣти ему, глаголя: «Аще есть Богъ судья праведнымъ и грѣшным...» И много наказавъ его, глаголя: убогому цѣну вдати и прочее, рече, не насилуй сиротам. Он же съ страхомъ общася вдати цѣну и к сему исправляти свои нравъ и благое житие* (второй акт: святой — обидчик); *и тако прииде в дом свой* (ЖтСР. Л. 105 об. — 106)\*\*\*.

\*\* ЖтКБ — Житие Кирилла Белозерского // Российская национальная библиотека. Погод. 732. Л. 1–100 об. XVI в.

\*\*\* ЖтСР — Житие Сергия Радонежского // Российская национальная библиотека. Ф. I. 306. Л. 74–123 об. XVI в.

\* ЖтФП — Житие Феодосия Печерского // Государственный исторический музей. Синод. собр. № 1063/4. Л. 26а–67в. XI в.

В приведенном фрагменте к святому обращается сирота и жалуется на человека, который отнял у него свиную тушу, после этого святой призывает к себе виновника и наставляет о необходимости оплаты сироте, виновник обещает исправиться. В этом рассказе два коммуникативных акта: в первом открывающая коммуникация исходит от сироты, ответной коммуникации святого нет; во втором акте святой открывает общение, но ответ обидчика не является коммуникацией (отвечая святому, он не намеревается побудить собеседника к действию). Так в рамках одного рассказа роли участников коммуникации могут изменяться. Если в тексте есть ответная коммуникация, скорее всего, в нем несколько коммуникативных актов.

По своей природе коммуникация в чудесном рассказе может быть вербальной и невербальной. Вербальная коммуникация характерна для большинства рассказов о прижизненных чудесах, в них объект обращается к субъекту (или наоборот) в словесной форме. Вербальная коммуникация может быть как открывающей, так и ответной и исходить как от объекта, так и от субъекта. Иначе обстоит дело с невербальной коммуникацией объекта с субъектом, описанной в чудесном рассказе. Она тоже может быть открывающей и ответной. Однако невербальная открывающая коммуникация исходит только от объекта и встречается в тех текстах, в которых субъектом является святой. Святой понимает намерение, с которым к нему обращается объект или посредник, по его поведению или благодаря провидению, при этом объект/посредник в словесной форме ничего не сообщает святому: *Мразь же зълный тогда баше, и сего ради предреченный боляринъ не смѣяше внити в воду. Святыи же рече: «Не бойся, но дръзай!» И абие вшедшу ему в воду, и вода на теплоту преложиша молитвамъ святаго* (ЖтКБ. Л. 60); *посылаеть нѣкая два от боляръ своихъ ити къ святому и молити его, яко да помолитъ Бога и разръшитъ ихъ неплодства. Святому же яко прозорливу и се паче не утаися. Яко приидоша от князя Михаила посланници, и не поспѣвшимъ имъ от князя посланиа вдати, и рече имъ блаженый: «Понеже, чада... трудъ вашъ не вѣтце будетъ. Князю же вашему дасть Богъ плодъ дѣтородиа». Они же начаша дивитися, како се узѣдѣ, о немже они приидоша суть* (ЖтКБ. Л. 49 об. — 50).

Ответная невербальная коммуникация исходит только от небожителей и обычно сопровождается вербальной. Коммуникация, источником которой выступают небожители, становится собственно чудом: вербальная коммуникация — это аудиальное явление, а невербальная — визуальное или ароматическое явление, а также изменение состояния предметов/веществ. Такое положение свойственно рассказам определенной тематики (видение, защита, наказание). В этих рассказах мы рассматриваем уже не коммуникацию с ее целями и условиями, а чудо, которое совершается с определенной целью: *...слышитъ гласъ глаголющъ: «Кирииле, изыде отсюду и иди на Бѣло езеро, тамо бо уготовахъ ти мѣсто, в немже можеша спастися». И абие съ гласомъ онѣмъ свѣт велии явися тогда. Отворивъ же оконце кѣли, видитъ свѣт, сияющъ къ полунощнымъ странамъ Бѣлаго езера. И гласомъ онѣмъ, яко перстомъ, показаше мѣсто то, идѣже и нынѣ монастырь стоит* (ЖтКБ. Л. 23 об. — 24).

Возвращаясь к компонентам жанровой модели рассказа о прижизненном чуде (конститутивным элементам жанра), рассмотрим условия и цели для каждого вида коммуникации, представленные в исследуемых текстах:

### I. Открывающая вербальная коммуникация.

#### 1. Инициатор — объект:

1) объектом выступает инок, мирянин или неодушевленный предмет/вещество/стихия: **условия коммуникации** — инок или мирянин обращается к святому: а) лично (нуждающийся приходит к святому); б) через посредника (нуждающийся посылает посредника вместо себя); в) посредник по собственной инициативе (в тех случаях, когда объект является неодушевленным, а также если нуждающийся недееспособен или в опасности); **цель коммуникации**: а) сообщение о случившемся/происходящем; б) просьба (об исцелении, о необходимом); в) исповедь; г) выражение удивления или негодования;

2) объектом является святой или (редко) другой священник или инок: **условия коммуникации** — святой или другой священник/инок обращается к небожителям лично в молитве; **цель коммуникации** — просьба.

Еще раз отметим, что вне зависимости от речевого жанра, которым оформлено обращение объекта к субъекту, общей целью открывающей коммуникации будет просьба о помощи.

#### 2. Инициатор — субъект:

1) субъектом является святой: **условия коммуникации** — святой призывает к себе мирянина, инока или братию и проводит с ними беседу; **цель коммуникации** — наставление, поучение;

2) субъектом являются небожители: **условия коммуникации** — небожитель в некоторой форме является объектом для сообщения информации или для помощи; **цель чуда (коммуникации)** — сообщение объекту информации.

II. Ответная вербальная коммуникация исходит только от субъекта:

1) субъектом является святой: **условия коммуникации** — святой отвечает пришедшему к нему с сообщением/просьбой иноку или мирянину или отвечает на их возражения; **цель коммуникации** — повеление, наставление, поучение, ободрение, обещание, испытание;

2) субъектом являются небожители: **условия коммуникации** — святой, инок или мирянин обращается к небожителям в молитве, на что небожители являются объектом в некоторой форме; **цель чуда (коммуникации)** — сообщение объекту информации (повеление или обещание), напоминание об обете.

III. Открывающая невербальная коммуникация иницируется только объектом, при этом объектом выступают миряне: **условия коммуникации** — человек находится рядом со святым или неподалеку от него, но ничего не говорит или не успевает сказать святому; **коммуникативная цель** — просьба.

IV. Ответная невербальная коммуникация может исходить только от субъекта: **условия коммуникации** — совпадают с условиями вербальной ответной коммуникации; **коммуникативная цель** — визуализация авторитета, указание места и аналогии.



Визуальный компонент без словесной коммуникации является собственно чудом и подробно рассматривается при характеристике чудесного события.

Следует отметить и такие тексты, в которых невозможно установить, была ли коммуникация вербальной или невербальной. Приведем отрывок из Жития Кирилла Белозерского: *Приведоша челоуѣка нѣкоего къ святому, Феодора именемъ, зльъ стражуща от нечистаго бѣса. Святыи же начят Бога молити и Пречистую Его Матерь о злостражушемъ Феодоре* (ЖтКБ. Л. 45 об.). В этом рассказе ситуация общения может быть смоделирована лишь гипотетически. В некоторых рассказах коммуникации нет вовсе — это тексты тематических разновидностей «видение», «защита», «благоухание».

Рассказ о прижизненном чуде как отдельный жанр в составе житий имеет следующие коммуникативно-прагматические признаки: 1) в функциональном плане прижизненные чудеса демонстрируют, что святой угоден Богу, в целом показывают его восхождение к святости; 2) в рассказах о прижизненных чудесах преследуются цели воздействия на адресата (читателя жития): предписание идеала богоугодного человека на примере святого, воспитание чуткости к знакам свыше, воспитание богобоязненности, проповедь. Функция этого жанра в составе жития состоит в том, чтобы показать избранность героя и его духовное движение по направлению к святости.

В перспективе исследования предполагается рассмотрение языковых особенностей в репрезентации каждого параметра, задающего специфику жанровой модели рассказа о прижизненном чуде, а также сопоставление с прижизненными чудесами в составе более поздних агнографических памятников.

1. Лихачев Д. С. Избр. тр. : в 3 т. Т. 1. О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы : моногр. Л. : Худ. лит., 1987. 656 с.

2. Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси : межвуз. сб. науч. тр. М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 5–39.

3. Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агнографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 21 с.

4. Грекова И. В. Эволюция агнографического жанра в функционально-стилистическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 23 с.

5. Завальников В. П. Языковой образ святого в древнерусской агнографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 29 с.

6. Дмитриева Е. Г. Религиозно-нравственный идеал в современных агнографических текстах: лингвистическая характеристика // Научный диалог. 2018. № 12. С. 64–74.

7. Стародубцева Н. А. Средства выражения нравственного идеала в языке житий русских святителей синодального периода // Научный диалог. 2018. № 12. С. 152–165.

8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 88–98.

9. Лебедева Н. Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты : в 3 ч. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. Ч. II. С. 91–100.

10. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 46 с.

11. Бугаева И. В. Теолингвистика: теология + лингвистика? // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века : в 6 т. Т. 2. Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 293–300.

12. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.

13. Лихачев Д. С. Принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Культура Древней Руси: посв. 40-летию науч. деятельности Н. Н. Ворониной. М. : Наука, 1966. С. 118–120.

14. Демченкова Н. М. Коммуникация в социокультурной сфере : курс лекций. Минск : Современные знания, 2009. URL: <https://studfile.net/preview/5585029> (дата обращения: 25.02.2020).

15. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.

© Рогожникова Т. П., Хоменко М. В., 2020